

Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития

**Наталья Евгеньевна
АНТОНОВА**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: antne60@yandex.ru

**Наталья Валентиновна
ЛОМАКИНА**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: lomakina.eri@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи выступает исследование проявления институциональных новаций, реализуемых в настоящее время в рамках новой модели развития экономики Дальнего Востока, в природно-ресурсных отраслях региона, а также направлений российско-китайского сотрудничества, которые влияют на текущее состояние и перспективы развития этих отраслей. Исследование базируется на теориях ресурсной экономики, пространственной экономики, включающей региональную экономику. Основная научная проблема, затронутая в статье, находится на стыке исследований, связанных с оценкой эффективности государственной политики, системных эффектов ресурсных проектов и их локализации на региональном уровне в условиях влияния внешнеэкономических факторов. Новизна исследования состоит в теоретической

Для цитирования: Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т 11. № 1. С. 43-56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3

For citation: Antonova N.E., Lomakina N.V. Natural resource-based industries of the Far East: new drivers of development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 43-56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3

постановке и практической реализации исследовательской задачи совместного рассмотрения институциональных новаций и внешнего фактора, определяющих потенциал развития природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока, что обеспечивает приращение научного знания в области пространственной экономики. Объектом исследования являются минерально-сырьевой, рыбохозяйственный и лесной комплексы, что обусловлено народнохозяйственным значением природных ресурсов, на которых базируются эти отрасли. В статье рассмотрены инструменты и формы государственной поддержки новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на конкурентоспособность выбранных отраслей в рамках этой модели; проанализирована фактическая реакция на преференциальные новации экономических агентов, работающих в этих отраслях. Показано, что принятые в соответствии с новой моделью развития Дальнего Востока институциональные решения начинают формировать на его территориях реальные результаты. Рассмотрены новые направления, механизмы и формы участия китайского государственного и частного бизнеса в минерально-сырьевом, рыбохозяйственном и лесном комплексах, а также последствия этого участия как для самих отраслей, так и экономики Дальнего Востока. Перспективы дальнейшего исследования связаны с задачей измерения положительных и отрицательных эффектов от реализации федеральных институциональных инструментов новой модели развития Дальнего Востока для экономики конкретных территорий в природно-ресурсных отраслях.

Ключевые слова: минерально-сырьевой комплекс, рыбохозяйственный комплекс, лесной комплекс, Дальний Восток, институциональные изменения, российско-китайское сотрудничество.

Введение

Фундаментальными константами на протяжении длительного периода освоения и развития Дальнего Востока являются: природные ресурсы как основа региональной экономики; активное участие государства в региональном развитии; ориентация на сотрудничество с сопредельными тихоокеанскими странами и рынками [1]. Именно в рамках совместного рассмотрения этих экономических констант может быть получена системная оценка результатов и перспектив развития природно-ресурсных отраслей региона. Такой подход обусловлен тем, что природно-ресурсный потенциал и связанная с ним деятельность являются элементами как природной, так и социально-экономической системы [2]. Изменения, происходящие в социально-экономической системе, отражаются как в текущих показателях природно-ресурсных отраслей, так и в долгосрочных процессах природопользования.

Природные ресурсы и их использование (в т.ч. и на Дальнем Востоке России) с учетом влияния государственного участия и внешнего фактора многие годы являются объектом научного интереса ученых и специалистов. Вопросы оценки природных ресурсов, устойчивости их использования, роли государства в этих процес-

сах изучаются во многих трудах [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Региональные исследования в области природопользования затрагивают как вопросы использования отдельных видов ресурсов и влияния на него государственной политики [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15], так и специфики природопользования в регионах, расположенных на границе с Китаем и испытывающих влияние от такого соседства [16].

Проблематике природопользования сквозь призму восточноазиатского, в том числе китайского, влияния уделяется много внимания в работах дальневосточных ученых. Проводятся сравнительные исследования систем природопользования на Дальнем Востоке и в странах Северо-Восточной Азии в динамике, трансформации природно-ресурсного потенциала [2; 17]; позиции природно-ресурсного потенциала Дальнего Востока в АТР в долгосрочной перспективе [18]; различных аспектов возможного взаимовлияния приграничных экономических систем России и Китая; функционирования отдельных сегментов ресурсного сектора под влиянием внешнего спроса [10; 19; 20].

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются три ключевые природно-ресурсные отрасли Дальневосточного федерального

округа (ДФО)¹: минерально-сырьевая, рыбохозяйственная и лесная. Природные ресурсы Дальнего Востока, формирующие сырьевую основу этих отраслей, по своим запасам были и остаются «ресурсной кладовой» России.

Так, к 2015 г. в ДФО сосредоточены практически все общероссийские запасы и почти 100% добычи алмазов, 92% запасов и почти 100% добычи олова, 33% запасов и около 45% добычи золота, 35% запасов и 65% добычи серебра, около 23% запасов и почти 80% производства вольфрамового концентрата, 50% запасов и 100% добычи сурьмы [3]. При всех трансформациях реформенного периода роль минерально-сырьевого комплекса (МСК) Дальнего Востока в национальной экономике только возросла: доля добычи в ДФО полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических, в структуре национальной отрасли выросла с 11,8% в 1990 г. до 44,8% в 2016 г.

Ресурсный потенциал водно-биологических ресурсов в отечественной исключительной экономической зоне в Тихоокеанском бассейне составляет 3 млн. т, кроме того, ведется промышленное морское рыболовство в Мировом океане. Потенциал аквакультуры на Дальнем Востоке составляет 1 млн. т готовой продукции. Рыбохозяйственный комплекс ДФО стабильно обеспечивает более 60% суммарного объема добычи водных биологических ресурсов России и 58% налоговых поступлений в бюджеты всех уровней от рыбохозяйственного комплекса страны [3].

Дальний Восток обладает самыми большими лесными ресурсами в стране – непосредственно лесом покрыты 295,2 млн. га (37% от такого же показателя по РФ). Запас древесины в ДФО оценивается в 20,5 млрд. м³ или 24,8% от общероссийских запасов. Однако использование лесных ресурсов, в отличие минерально-сырьевых и водно-биологических, крайне низкое: из 92 млн. м³ расчетной лесосеки (ежегодно допустимого объема рубок) заготавливается менее 20%, что не соответствует имеющемуся ресурсному

потенциалу. Причины заключаются в территориальном несоответствии ресурсной базы и зон промышленной заготовки и переработки древесины, а также падении спроса на российскую древесину на зарубежных рынках [19].

Природные ресурсы по-прежнему остаются базисом экономики Дальнего Востока, сохраняющей свою сырьевую направленность и ориентацию на внешние рынки. С позиции двух других групп фундаментальных факторов развития Дальнего Востока – государственного участия и ориентации на внешнее сотрудничество – в последнее пятилетие (2013–2017 гг.) отмечается их существенная активизация. Так, с 2013 г. для региона на уровне федерального центра объявлена «новая модель» развития с целым набором специальных институционально-экономических режимов. Что касается ориентации экономического сотрудничества региона на страны АТР, то в рассматриваемый период оно продолжает «смещаться» в сторону Китая, что определяется общей активизацией российско-китайского сотрудничества на государственном уровне, особенно стимулируемой с 2014 г. По сути, эти изменения становятся новыми факторами развития Дальнего Востока и, безусловно, отражаются и воздействуют на развитие таких базовых секторов экономики региона, как природно-ресурсные отрасли.

Какова сегодня ситуация в ключевых природно-ресурсных отраслях? Входит ли поддержка и стимулирование природно-ресурсных отраслей в целевую область «новой модели» развития Дальнего Востока, какова фактическая реакция на преференциальные новации и конкурентоспособность ресурсных отраслей в рамках этой модели? Каковы новые направления, механизмы и формы участия китайского бизнеса (государственного и частного) в ресурсных отраслях Дальнего Востока? Поиск ответов на эти вопросы является целью данной статьи. Новизна исследования состоит в теоретической постановке и практической реализации исследовательской задачи совместного рассмотрения институциональных новаций и внешнего фактора, определяющих потенциал развития природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока, что обеспечивает приращение научного знания в области пространственной экономики.

¹ Термины «Дальний Восток», «Дальневосточный федеральный округ» используются в данной статье как синонимы. В состав ДФО входят 9 субъектов Федерации: Хабаровский, Приморский и Камчатский края; Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Методология и методика исследования

Исследование базируется на теориях ресурсной экономики, пространственной экономики (включающей региональную экономику), институциональной экономики. Для реализации задачи выявления воздействия институциональных факторов на развитие природно-ресурсных отраслей использован сравнительный статистический анализ изменения показателей развития этих отраслей, что позволяет выявить происходящие в них изменения. На основе системного подхода рассмотрены новые формы и направления в торговом и инвестиционном российско-китайском сотрудничестве в природно-ресурсных отраслях на Дальнем Востоке, находящиеся под влиянием экономических и институциональных изменений двустороннего взаимодействия.

Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, принятые в последние 5 лет в сфере регулирования развития экономики ДФО; статистическая и аналитическая информация с сайтов федеральных и региональных органов власти, содержащая результаты реализации инструментов регионального развития; аналитические обзоры отечественных и зарубежных отраслевых Интернет-изданий.

Результаты исследования и их анализ

Новые институты развития и природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока. Новые институты развития экономики Дальнего Востока формируются целым рядом законодательных, организационных, инфраструктурных новаций. За 2014–2017 гг. принято 22 федеральных закона², содержащих правовые элементы создания институциональной среды для формирования новой модели развития экономики ДФО. Организационно данная модель реализуется через добавление в отраслевые государственные программы и отраслевые стратегии разделов, посвященных специально ДФО. То есть происходит разделение ответственности между всеми федеральными министерствами за реализацию новых инструментов при общем руководстве со стороны Министерства развития Дальнего Востока РФ.

² До конца года на Дальнем Востоке заработает 86 новых предприятий. URL: https://minvr.ru/press-center/news/10681/?sphrase_id=211593 (дата обращения: 28.11.2017).

К базовым можно отнести законы «О территориях опережающего социально-экономического развития» (ТОР) и «О свободном порте «Владивосток» (СПВ), которые легли в основу формирования новых инструментов современной государственной политики в отношении Дальнего Востока³. К таким инструментам относятся: приоритетное подключение в ТОР к объектам инфраструктуры, созданной за счет бюджетных средств; установление льготных ставок арендной платы за пользование землей; льготное налогообложение резидентов ТОР; снижение административной нагрузки; применение процедур свободной таможенной зоны; льготный размер страховых взносов на фонд оплаты труда; ускоренные процедуры получения разрешения на строительство. На конец 2017 г. создано 18 ТОР в восьми субъектах Федерации (кроме Магаданской области).

В *таблице* представлена информация об инвестиционных проектах в природно-ресурсных отраслях, инициаторы реализации которых зарегистрированы в качестве резидентов территорий социально-экономического развития. Интересно проанализировать, какие направления деятельности, осуществляемой в природно-ресурсном секторе (воспроизводство ресурсной базы, добыча сырья и его переработка), получают поддержку в рамках ТОР. Кроме того, интерес представляет вопрос о том, на что направлены инвестиции — на новое строительство или модернизацию действующего производства, то есть осуществляется ли в рамках новой модели развития экономики расширенное воспроизводство или же это поддержание уже существующего уровня?

В рыбохозяйственном комплексе присутствуют проекты по воспроизводству рыбных запасов, причем это, как правило, новое строительство, а рыбопереработка осуществляется в рамках модернизации. В лесном комплексе все проекты по деревопереработке реализуются

³ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017); О свободном порте «Владивосток»: федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ; Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утв. пост. Правит. РФ от 15 апреля 2014 г. № 308.

Инвестиционные проекты, реализуемые в природно-ресурсных отраслях в рамках ТОР

ТОР, субъект Федерации	Инвестиционный проект, инициатор	Сфера деятельности
Рыбохозяйственный комплекс		
«Камчатка», Камчатский край	Береговая база переработки морских биоресурсов, Рыболовецкий совхоз им. В.И. Ленина Рыбоперерабатывающий комплекс, ООО «Город 415» и Korea Trading & Industries Co., LTD Рыбоперерабатывающий завод, пресноводное форелеводческое хозяйство, ООО «Рыбная долина»	Рыбопереработка, воспроизводство ресурсной базы Новое строительство
«Беринговский», Чукотский автономный округ	Производство по переработке рыбных ресурсов внутренних водоемов, ООО «Чукотрыбпромхоз»	Рыбопереработка Модернизация
«Кангалассы, Республика Саха (Якутия)	Производство по товарному выращиванию осетра, ООО НПО «ЭКОР»	Воспроизводство ресурсной базы Новое строительство
«Комсомольск», Хабаровский край	Рыбоперерабатывающее производство, наращивание мощностей, ООО «Торговый дом „Юкон”»	Рыбопереработка Модернизация
«Николаевск», Хабаровский край	Цеха по производству консервов из лосося и переработке отходов, ООО «Восточный рыбоперерабатывающий комбинат»	Рыбопереработка Модернизация
Лесной комплекс		
«Комсомольск», Хабаровский край	Дальневосточный центр глубокой переработки древесины, Амурская лесопромышленная компания, и Амурский промышленный центр (принадлежат RFP Group)	Деревопереработка Новое строительство
«Амуру-Хинганская», Еврейская автономная область	Комплекс по глубокой переработке древесины, китайская компания «ООО „Амурпром”»	Деревопереработка Новое строительство
«Комсомольск» Хабаровский край	Целлюлозно-бумажный комбинат, ООО «Новая русская целлюлоза»	Деревопереработка Новое строительство
Минерально-сырьевой комплекс (кроме топливно-энергетических ресурсов)		
«Беринговский» Чукотский АО Месторождение золота и серебра «Жильное», ООО «Канчалано-Амгузская площадь» Месторождение Ручей Сухой, ООО «ИНТЕХКОМС» ООО «Беринг Золото» ООО «Рудник Валунистый» ОАО С/А «Север»	ООО «Восток»	Добыча драгоценных металлов
	Геологоразведочные работы, добыча	
	Новое строительство	
	Добыча россыпного золота	
	Модернизация	
	Добыча золота	
	Добыча золота	
	Добыча драгоценных металлов	
«Амуру-Хинганская» Еврейская автономная область	ГОК на базе Союзного месторождения графита, ООО «Дальграфит»	Добыча и обогащение Новое строительство
Источник: составлено авторами по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР). URL: http://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf (дата обращения: 30.11.2017).		

в рамках нового строительства. В минерально-сырьевом комплексе все заявленные проекты сориентированы на добычу сырья (преимущественно драгоценных металлов).

Сходный с ТОР по предлагаемой системе льгот институциональный механизм «Свободный порт Владивосток» также привлекателен для инвесторов, несмотря на то, что в его рамках отсутствует такой важный инструмент как, финансирование строительства объектов инфраструктуры за счет бюджетных средств.

В рамках СПВ зарегистрировано 13 рыбопромышленных предприятий, деятельность которых направлена на воспроизводство рыбных запасов в пресных и морских водоемах, разведение марикультуры, на пастбищное рыболовство, переработку рыбы и других гидробионтов, логистику рыбной продукции⁴. Резидентами

⁴ Реестр резидентов свободного порта Владивосток. URL: <http://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения: 30.11.2017).

СПВ зарегистрировано десять лесопромышленных предприятий, расположенных преимущественно в Приморском крае. Это средние по размеру вновь созданные предприятия, основной вид деятельности – деревопереработка.

Еще одним планируемым к использованию на Дальнем Востоке инструментом, совмещающим отраслевые и региональные подходы, является введение квот на объем экспорта необработанной древесины по сниженным таможенным пошлинам (с 25 до 6,5%)⁵. Условием получения предприятием такой квоты служит обеспечение переработки не менее 20% заготовленной древесины с последующим ее увеличением до 35%. Общий объем квоты составит 4 млн. м³ экспортных поставок древесины с Дальнего Востока, то есть продажа за рубеж по сниженным пошлинам охватит 60% необработанной древесины. За пределами экспортной квоты таможенная ставка на древесину останется 25% с возможным последующим увеличением до 40% и выше⁶.

Можно сделать вывод, что государственная политика в лесном комплексе, направленная на поддержку в первую очередь крупных компаний, способствует изменению ее «размерной» структуры – сокращению количества мелких предприятий и увеличению доли крупных. Также происходит внутриотраслевое перераспределение лесозаготовительного и деревообрабатывающего сегментов в пользу последнего. Это подтверждает известный тезис о том, что структура рынка во многом формируется под воздействием экономической политики правительства (субсидии, налоговые льготы, предоставление в аренду земельных участков) [21].

Вопросы формирования добавленной стоимости актуальны и для минерального сектора дальневосточной экономики. Однако если до 2013 г. традиционными задачами государственных программ и ФЦП были обозначены «модернизация ресурсного сектора», «повышение комплексности переработки сырья» на фоне исходной посылки о том, что регион не смо-

жет конкурировать со странами АТР по выпуску продукции высокотехнологичных отраслей, то целевая задача развития региона в логике «новой модели» 2013 г. была сформулирована по-иному: «Дальний Восток должен стать конкурентоспособным регионом с диверсифицированной экономикой, в структуре которой преобладают высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью»⁷. По сути, это подразумевает отказ от сырьевой экономики как преимущественного типа развития региона и «выталкивание» минерального сектора Дальнего Востока из «поля» специальной государственной поддержки. Какова ситуация сегодня? Пользуются ли инвестиционные проекты в минеральном секторе, реализуемые в Дальневосточном федеральном округе, какими-либо преференциями в рамках «новой модели»?

Преференциальные меры для минерально-сырьевых проектов, направленные на расширение минерально-сырьевой базы (МСБ), на поиск новых месторождений, способных обеспечить динамичное развитие минерального сектора региона в перспективе, были предусмотрены уже в «первом пакете»⁸ объявленной «новой модели». Прежде всего, имеется в виду введение понижающего коэффициента для налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на 10 лет: от 0 в первые два года до 0,8 в последние два года десятилетних налоговых каникул (с шагом 0,2 каждые два года). При этом вводилась новая категория налогоплательщиков, которые смогут воспользоваться такими льготами – «участник регионального инвестиционного проекта» (РИП). Получение такого статуса требовало соблюдения определенных условий (регистрация на территории субъекта РФ; отсутствие обособленных подразделений на иных территориях; определенная организационно-правовая форма и т.д.) и регистрации

⁵ Квоту на вывоз древесины с Дальнего Востока привяжут к инвестициям в переработку. URL: https://minvr.ru/press-center/news/10811/?sphrase_id=211586 (дата обращения: 02.12.2017).

⁶ Лес клонится под квоту. Коммерсантъ. 2017. 6 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3403041> (дата обращения: 02.10.2017).

⁷ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утв. расп. Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р.

⁸ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 267-ФЗ.

в специальном Реестре. На этом этапе смогли включиться в Реестр лишь небольшое количество компаний, реализующих инвестпроекты на золоторудных месторождениях Дальнего Востока — Озерновском и Аметистовом на Камчатке, Светлом⁹ в Хабаровском крае и некоторых других.

Воздействие этого стимулирующего механизма на первом этапе введения налоговых льгот оказалось весьма ограниченным. На наш взгляд, вовсе не трудности «оформления» в Реестр РИП стали тому причиной. В условиях того, что практически вся эффективная минерально-сырьевая база в регионе распределена между недропользователями, в основном между крупными компаниями, шансы появления новых игроков и возможность их регистрации как особой категории налогоплательщиков весьма невелики. По сути, регистрироваться в Реестре РИП в качестве новых участников оказалось некому. При этом инвестиционным сообществом в минерально-сырьевой сфере стали активно подниматься вопросы об уточнении критериев соответствия новой категории налогоплательщиков и о включении в эту категорию «инвесторов, которые приступили к реализации своих проектов в период, непосредственно предшествующий вступлению Закона в силу (1 января 2014 года)» [22].

В 2016 г. были внесены изменения в процедуру формирования РИП, и результат превзошел всякие ожидания. Теперь любой инвестор, реализующий свой проект в ДФО (вне ТОР и СВП), с объемом инвестиций более 50 млн. руб. за 3 года, уже может получать преференции, в т.ч. и льготу по НДС. При этом учитываются инвестиции, совершенные с 1 января 2013 года. Вводится заявительный принцип получения налоговых льгот¹⁰. При таких количественных

критериях вхождения в РИП практически любой минерально-сырьевой проект становится им автоматически. Однако, на наш взгляд, вопрос о том, будет ли такой подход стимулировать расширенное воспроизводство минерально-сырьевой базы в ДФО, остается открытым.

Не менее важным механизмом «новой модели» развития региона является государственная поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых способна дать значимый для Дальнего Востока эффект. К настоящему времени эта процедура не только нормативно проработана¹¹, но и уже получены первые ее результаты. В 2015–2017 гг. проведено несколько этапов отбора инвестпроектов для прямой государственной поддержки в виде субсидий на создание и реконструкцию инфраструктуры в рамках реализации инвестиционных проектов¹². В ходе отбора было рассмотрено более полусотни проектов в различных отраслях и к настоящему времени для господдержки отобрано 13 инвестпроектов. Предельный общий объем субсидий, предоставляемых инвесторам на Дальнем Востоке, определен в размере 34 млрд. рублей, в том числе в 2017 году — 6,8 млрд. рублей, в 2018 году — 4,8 млрд. рублей, в 2019 году — 5,6 млрд. рублей¹³.

Механизм прямой государственной поддержки инвестпроектов для решения инфраструктурных проблем имеет общий характер и вовсе «не заточен» под минерально-сырьевые проекты. Можно предположить, что он и мог бы «работать» в направлении формирования новой отраслевой структуры в Дальневосточном регионе. Однако, по факту 9 из 13 отобранных проектов, предполагается к реализации именно в ресурсном секторе 8 проектов

⁹ По оценке главы компании «Полиметалл» В. Несиса, освоение Светлого — малозатратный проект и подстраховка на случай истощения сырьевой базы... Компания собиралась осваивать Светлое в любом случае. Меры поддержки втрое снизят налоговое бремя Светлого. Цит. по: Пасмурцев В. Светлому дали «зеленый свет». «Полиметалл» получит льготы по закону о гринфилдах // Коммерсантъ (Хабаровск). 2015. № 130. 23 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2773520> (дата обращения: 14.12.2017).

¹⁰ Александр Галушка: налоговые льготы получают все инвесторы на Дальнем Востоке. 02.06.2016. — URL: https://minvr.ru/press-center/news/2133/?sphrase_id=223038 (дата обращения: 13.12.2017)

¹¹ Об утверждении методики отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона: Постановление Правительства РФ от 16.10.2014 г. № 1055; О внесении изменений в методику отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона: Постановление Правительства РФ от 28.04.2017 г. № 503.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2015 г. № 484-р; Распоряжение Правительства РФ от 13.07.2015 г. № 1339-р; Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2016 г. № 1806-р.

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2017 года № 718-р. URL: <http://government.ru/docs/27317/> (дата обращения: 13.12.2017)

по добыче полезных ископаемых и один — в деревопереработке. В целом предполагаемая поддержка ресурсных проектов ожидается на уровне 90% всех бюджетных средств, предназначенных на эти цели (30,3 из 34 млрд. руб.). То есть де-факто минерально-сырьевые проекты по-прежнему признаны соответствующими стратегическим целям развития региона и конкурентоспособными как для частных инвесторов, так и для государства.

Китайский фактор. Китай является значимым партнером для Дальнего Востока России в торговом и инвестиционном сотрудничестве, и эта его роль выросла в последнее время, особенно в природно-ресурсных отраслях. Доля продукции природно-ресурсных отраслей в дальневосточном экспорте в КНР составляет в последние годы почти 80%. В 2016 г. основными статьями экспорта в КНР явились минеральное сырье (32,8% от всего объема дальневосточного экспорта), рыба и морепродукты (26,1%), древесина и изделия из нее (19,2%)¹⁴. Китайские инвесторы активны и в новых формах инвестиционного развития ДФО: из общего объема заявленных на 2016 г. иностранных инвестиций в проекты, реализуемые в рамках ТОР и СВП, на долю КНР приходится 88,4 и 99% соответственно.

Как упоминалось выше, природно-ресурсные отрасли ДФО ориентированы на экспорт своей продукции, но в разной степени.

Из общего объема добычи ВБР экспортируется 50%. Практически всё идет в КНР, Республику Корея и в меньшей доле в Японию. По данным Федеральной таможенной службы¹⁵, за 2013–2016 годы Китай увеличил свою долю в физических объемах дальневосточных экспортных поставок рыбы и других гидробионтов с 59 до 63% (с 798,6 до 804,9 тыс. т), а в первой половине 2017 г. его доля возросла до 70,7%. В стоимостном выражении этот показатель ниже, поскольку КНР в основном специализируется на импорте рыбы, а не дорогостоящих ракообразных и моллюсков: в структуре дальневосточ-

ных поставок ВБР в Китай более 90% приходится на долю замороженной рыбы. Основной импортируемой породой является минтай — за последние годы от 75 до 82% уходит с Дальнего Востока в Китай.

На поставках российской рыбы, в первую очередь минтая, в приграничных районах Китая создана сеть рыбоперерабатывающих предприятий, способствующих обеспечению занятости местного населения. В приграничной провинции Цзилинь (г. Хуньчунь) действуют 54 рыбоперерабатывающих предприятия и планируется создать еще 25–30 новых. Объем рыбопереработки в этой зоне вырос за 2014–2016 гг. с 1 до 9 млрд. юаней¹⁶.

Учитывая то обстоятельство, что замороженная рыба после переработки на китайских предприятиях в значительных объемах поставляется на экспорт, можно сделать вывод о заинтересованности Китая в сохранении сырьевой направленности дальневосточного экспорта рыбопродукции.

Лесной комплекс Дальнего Востока на 90% осуществляет поставки лесопромышленной продукции на внешние рынки. Основным рынком для него также является Китай, роль которого в географической структуре поставок стала возрастать с начала 2000-х гг., резко усилилась в конце 2000-х — начале 2010-х гг. (после повышения Россией экспортных пошлин на необработанную древесину) и сохраняет свои лидирующие позиции в настоящее время.

Возможности для увеличения экспорта российской древесины в Китай выросли в последнее время, что связано с введением Китаем с 2016 г. запрета на коммерческую заготовку древесины в естественных лесах по всей стране в целях восстановления лесных покровов, нарушенных в результате истощительных рубок в 1990–2000-е годы. В результате в стране началось снижение производства древесины, восполнить которое планируется за счет ее импорта.

Россия, несмотря на падение объемов экспорта, остается в группе основных поставщиков необработанной древесины в КНР, а также

¹⁴ Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017. М.: НП РСМД, 2017. 167 с. URL : <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf> (дата обращения: 30.11.2017).

¹⁵ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 20.11.2017).

¹⁶ Рыбные берега // Российская газета «Экономика Дальнего Востока». 2016. № 7033 (165). 27 июля. URL: <https://rg.ru/gazeta/dfo/2016/07/28.html> (дата обращения: 30.11.2017).

является лидером в поставках пиломатериалов: в первой половине 2017 г. ее доля на этом рынке достигла 46% в сравнении с 33% в 2013 году [23].

Для Дальнего Востока Китай является практически монополистом — с 2013 по 2016 г. его доля в общем стоимостном объеме экспорта древесины и изделий из нее выросла с 72,6 до 81,7%¹⁷. По продуктовой структуре доминирующей остается необработанная древесина — 67,6% в общем стоимостном объеме поставок лесопромышленной продукции. Это значит, что, несмотря на проводимую федеральным центром уже более 10 лет политику по изменению товарной структуры в пользу продукции с высокой добавленной стоимостью, лесной комплекс региона сохраняет сырьевую направленность. Основным продуктом переработки древесины — пиломатериалы, объемы которых удалось нарастить за эти десять лет, также представляют собой продукцию низкого передела, полуфабрикаты, которые китайские деревообрабатывающие предприятия превращают в конечный продукт.

Такая тесная привязка обуславливает зависимость от спроса и цен на лесопромышленную продукцию от единственного потребителя, что делает неустойчивым финансово-экономическое положение предприятий. Падение цен на лесопромышленную продукцию на китайском рынке в 2012–2014 гг., отрицательно повлиявшее на и так нестабильные финансово-экономические показатели лесного комплекса Дальнего Востока, подтверждает этот тезис.

Инвестиционное сотрудничество между Дальним Востоком и Китаем в сфере использования лесных ресурсов в последние годы начало постепенно переходить из стадии намерений в стадию реальных инвестиций. Этому способствовало создание новых форм государственной политики по развитию Дальнего Востока. Пока эти вложения носят единичный характер и осуществляются в проекты с высокой долей государственной поддержки. Реальным примером является вхождение в 2013 г. Российско-китайского инвестиционного фонда¹⁸ (РКИФ) в акционерный капитал крупнейшей

на Дальнем Востоке лесопромышленной компании RFP Group. Привлечение крупной китайской компании в проект гарантировало сбыт и возможные преференции по сравнению с другими поставщиками на китайский рынок¹⁹. Отметим, что не последнюю роль в привлечении китайских инвестиций сыграло то, что RFP Group пользуется многими видами государственной поддержки.

Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока также становится сферой все более активного российско-китайского сотрудничества. Уже в начале 2000-х годов было понятно, что такое сотрудничество имеет объективные основы и обеспечивается определенными институциональными решениями, прежде всего китайской стороны. Именно в этот период для обеспечения своей экономики природными ресурсами в Китае была принята стратегия «Бизнес без границ», согласно которой он предпочитает иметь дело непосредственно с источниками сырья, а не полагаться на мировой рынок. Китайским компаниям было разрешено напрямую инвестировать в развитие зарубежных производителей с целью обеспечить наличие необходимого сырья. При этом более 50% китайских зарубежных инвестиций было вложено в горнодобывающую промышленность разных стран. В условиях реализации такой минеральной политики, с одной стороны, и сырьевого характера развития минерального сектора Дальнего Востока — с другой, в качестве наиболее активного партнера интеграционных взаимодействий в этом секторе Дальнего Востока прогнозировался Китай [24].

К настоящему времени в минеральном секторе Дальнего Востока на разных стадиях «продвинутости» (от намерений до реализации) формируются совместные российско-китайские проекты [10, 15, 16]. К числу реализуемых проектов можно отнести участие ООО «Горнопромышленная компания «Тонхуа Минбан»» (КНР) в долгосрочной программе (2012–2021 гг.) геологического изучения недр в Магаданской области (с объемом затрат около 3 млрд. руб.) и строительство Кимкано-Сутарского ГОКа в Еврейской автономной области.

¹⁷ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 30.11.2017).

¹⁸ РКИФ создан Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation (CIC).

¹⁹ RFP Group. Сайт Российского фонда прямых инвестиций. URL: <https://rdif.ru/Portfolio/5/> (дата обращения: 14.12.2017).

Последний проект можно считать иллюстрацией реализации нового этапа минеральной политики Китая, в целевой области которой произошли существенные изменения²⁰. По сути, рекомендуемые директивным документом Госсовета КНР новые модели сотрудничества, такие как «подряд на сооружение объекта + финансирование + эксплуатация», в случае с освоением железорудных месторождений в Еврейской автономной области уже проходят «апробацию»²¹.

Если оценивать в целом условия вхождения в минеральный сектор, то идеальными китайцы считают: «получение ими активов в полную собственность либо владение не менее 51%; обеспечение прав на полный или не менее 50% вывоз сырья для дальнейшей переработки у себя на территории; комплектование российско-китайских предприятий за счет привлечения китайской рабочей силы; использование в процессе добычи китайской горной техники и оборудования»²².

Такой подход был продемонстрирован, например, при переговорах в 2015 г. по разработке Наталкинского месторождения на Колыме (с запасами 16 млн. унций золота). Китайская сторона в лице China Gold обозначила себя как «стратегический игрок, которому нужен контроль в капитале и в управлении». На этом переговоры по проекту закончились²³. Ключевыми в современной минеральной политике Китая становятся задачи экспорта китайских технологий и оборудования для геологоразведки и горнодобычи, создания на этой основе производственных мощностей и зон за рубежом.

²⁰ Одним из ключевых документов, определяющим новые задачи, является Директива Госсовета от 16 мая 2015 г. «Руководящие положения Госсовета о продвижении сотрудничества с зарубежными странами в области производственных мощностей и производства оборудования» — URL: <http://ru.chhimg.com/article/27004>. Опубликовано 18.05.2015. (дата обращения: 05.04.2016).

²¹ Детально эти вопросы рассмотрены в [10].

²² «Эксперт: надеемся, что яму 2014 года на рынке золота сменит бык 2015 года». 2014. 9 сент. <https://www.lprime.ru/experts/20141209/797619443-print.html>. (дата обращения: 05.04.2016.)

²³ Джумайло А. «Русская платина» с китайским акцентом // Газета «Коммерсантъ». 2017. № 146. 11 авг. С. 7. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3380368> (дата обращения: 11.08.2017).

Минеральный сектор Дальнего Востока становится все более значимой площадкой для российско-китайского сотрудничества. Так, в 2017 г. Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона (ФРДВ) и частный китайский холдинг Metropolis подписали меморандумы о создании двух фондов инвестиций — в добычу полезных ископаемых, а также в инфраструктуру и строительство. Целевой объем фондов в 2017 году составит 1 млрд. долл. каждый. Доля участия ФРДВ — 10%, партнеров из Азии — до 80%, еще около 10% намерены вложить российские инвесторы. Потенциальными объектами инвестиций являются 15 проектов в золотодобыче с ресурсами 1,5 тыс. т золота, два крупнейших медно-золотых проекта Дальнего Востока и ряд других минеральных проектов²⁴.

Все эти примеры показывают, что российско-китайское сотрудничество в природно-ресурсном секторе на Дальнем Востоке «набирает ход». И вопрос о том, что несет такое сотрудничество — проблемы или возможности, не перестал быть актуальным.

Полемика по поводу результатов (дискуссия)

Проведенное исследование влияния новых факторов развития Дальнего Востока на природно-ресурсные отрасли региона, безусловно, вызывает целый ряд дискуссионных вопросов.

Прежде всего, важны оценки последствий от применения новых инструментов государственной поддержки на Дальнем Востоке — как для самих экономических агентов, действующих в природно-ресурсных отраслях, так и для экономики региона.

Рассматривая применение отраслевого инструмента в виде квот на экспорт с Дальнего Востока необработанной древесины по сниженным таможенным пошлинам, нужно понимать, что послабление таможенного режима распространится в основном на крупные компании, которые либо уже создали, либо находятся в стадии завершения создания перерабатывающих мощностей. Мелкие и средние предприятия, ориентированные на экспорт древесины, вряд ли смогут воспользоваться этой льготой, поэтому при введении запрети-

²⁴ Metalinfo.ru. 2017. № 2134211. 31 марта. URL: <http://www.dalvest.polpred.com/?cnt=195&fo=7%3Fcnt%3D79&ns=1&sector=5&page=2>. (дата обращения 16.08.2017.)

тельных пошлин им придется перенаправить потоки древесины на внутренних потребителей или уходить с рынка. Но будут ли созданы в ДФО перерабатывающие производственные мощности в объемах, эквивалентных заготавливаемой древесине? Положительный ответ возможен при условии реализации проекта строительства в регионе целлюлозно-бумажного комбината, для которого необходимо порядка 5 млн. м³ древесного сырья и вопрос по которому остается открытым.

Такие региональные инструменты новой модели развития экономики Дальнего Востока (преференции в рамках ТОР, СВП, инвестиционных проектов) также умело используются крупными компаниями, как правило, уже имеющими преференции от правительства. Например, лесопромышленный холдинг RFP Group активно сотрудничает и с федеральными, и с региональными органами власти, стремясь попасть во все разрабатываемые стратегические документы отраслевого и территориального развития. Реализуемый холдингом инвестиционный проект уже имеет разного рода федеральные льготы и дополнительно получает преференции в рамках ТОР. И это характерно не только для лесного комплекса.

Возникает вопрос: какова отдача от предоставления всех этих преференций? Есть ли гарантии, что проекты будут реализованы компаниями, и что получат население и экономика Дальнего Востока от их реализации? Например, только в рамках субсидий для лесопромышленных предприятий Дальнего Востока было выплачено в 2016 г. из федерального бюджета почти 2 млрд. рублей²⁵, при этом сумма налоговых платежей, поступивших в консолидированный бюджет РФ в этом же году, составила лишь 1 млрд. рублей²⁶. Пока вопросы остаются открытыми.

Такого же рода вопросы возникают и для минерально-сырьевого комплекса. На наш

взгляд, противоречивая ситуация прямой бюджетной поддержки минерально-сырьевых проектов при объявленной цели ухода от сырьевой экономики является результатом применения выбранных управленческой элитой критериев и индикаторов оценки. Ориентация на неизмеряемый критерий «соответствие целям стратегических документов» и вполне количественно измеримый показатель «отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств» еще долго будет обеспечивать «победу» ресурсным проектам (особенно капиталоемким минерально-сырьевым) в борьбе за государственные средства.

Похоже, что развивалась и логика «улучшения» инструментов поддержки инвестпроектов, не входящих в ТОР и СПВ, через «либерализацию» и упрощение подходов к льготному режиму региональных инвестиционных проектов (РИП). Установлено, что «... вводится принципиально новая модель: инвестор получает льготу в заявительном порядке, после достижения определенного уровня инвестиций в проект, льгота возникает по факту инвестиций в уведомительном порядке. Таким образом, закон способен реально увеличить число участников региональных инвестиционных проектов»²⁷. По сути, «увеличение числа участников» становится критерием эффективности преференциального режима. Но стимулы расширенного воспроизводства МСБ и развития регионов, на наш взгляд, только снижаются. Ожидания «завтрашнего счастья» и сегодняшние потери бюджетов регионов с минерально-сырьевой специализацией уже входят в конфликт.

Сформированная на федеральном уровне «новая модель» развития Дальнего Востока и принятые в соответствии с этим институциональные решения создали ситуацию обязательности действий на региональном уровне управления. Созданные институты и механизмы «запущены», и в экономических системах территорий начинают формироваться реальные результаты решений, принятых на федеральном уровне. Актуальной становится задача

²⁵ Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2017 год и основных результатах деятельности за 2016 год. URL: <http://minpromtorg.gov.ru> (дата обращения: 02.08.2017).

²⁶ Данные по формам статистической налоговой отчетности за 2016 год / Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 01.12.2017).

²⁷ Для инвесторов на Дальнем Востоке одобрили новые налоговые льготы. URL: https://www.newsvl.ru/far_east/2016/05/24/147716/ (дата обращения: 13.12.2017).

«уловить» и измерить все эффекты (положительные и отрицательные) от реализации федеральных институциональных решений и инструментов «новой модели» развития Дальнего Востока для экономики конкретных регионов (на примере ресурсных проектов).

Основная научная проблема находится на стыке нескольких исследовательских направлений, в частности проблем оценки: эффективности государственной политики; роли природных ресурсов в экономическом развитии; системных эффектов ресурсных проектов и их локализации на региональном уровне; «институциональных экстерналий» и их интернализации для различных уровней государственного управления.

Что касается «китайского фактора» развития природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока, то близость к Китаю, с одной стороны, позволила выжить природно-ресурсным отраслям в кризисный период за счет экспорта своей продукции, но, с другой стороны, он же поддерживает их сырьевую направленность. Например, в настоящее время на Дальнем Востоке нет в достаточном объеме мощностей для производства рыбной продукции глубокой переработки, поэтому экспорт в Китай замороженной рыбы – оптимальное в текущей ситуации решение по использованию добытых ресурсов. Проблема состоит в том, чтобы снизить сырьевую зависимость от китайского потребителя, для чего необходимо вкладывать полученные от экспорта сырья средства в собственную переработку, а не в дальнейшее наращивание сырьевой базы, по доступным ресурсам которой уже наступает предел в природно-ресурсных отраслях ДФО [3].

Экспорт сырья вместо продукции его переработки ведет к более низким темпам экономического роста, и это общая проблема для развивающихся стран с богатыми природными ресурсами (так называемая Dutch disease [7]). Россия и особенно Дальний Восток, с его географической близостью к самому крупному в мире потребителю основных видов сырья – Китаю, постоянно испытывают большой соблазн получения «легких» денег от продажи имеющихся природных ресурсов. Но надо учитывать, что сырьевая экономика России слишком

уязвима от изменения внешнеэкономических и внешнеполитических факторов²⁸. Поэтому, похоже, альтернативы диверсификации производства продукции природно-ресурсных отраслей в регионе нет.

Что касается «балансировки» выигрышей и потерь российско-китайского сотрудничества, то такие вопросы, только на страновом уровне, ставились в новом исследовании Всемирного банка «Перебалансировка экономики Китая и возобновление роста в Индии: в какую сторону качнется маятник для России?» По оценке экспертов, «вероятные изменения в экономике Китая... для России будут нести скорее проблемы, чем возможности». При этом на национальном уровне (для формирования ВВП) проблемы будут значительно существеннее, чем для домохозяйств: «снижение спроса на сырьевые ресурсы в Китае опосредованно может привести к резкому снижению благосостояния и сокращению сбережений российских домохозяйств по всей стране». А в качестве позитивной возможности в исследовании обозначен существенный рост прямых иностранных инвестиций: «... Особенно это верно для регионов российского Дальнего Востока»²⁹. Вот только сырьевые ли отрасли должны быть приложением китайских инвестиций на Дальнем Востоке России? Как показывают исследования [25], при всей своей значимости в экономике регионов ресурсные отрасли создают небольшое количество «путей» и связей, диверсифицирующих и «скрепляющих» региональную экономику.

Представленные в статье исследования направлены на решение научной задачи оценки положительных и отрицательных эффектов от реализации институциональных инструментов государственной поддержки развития ресурсных регионов, что определяет их вклад в развитие теоретической и прикладной науки.

²⁸ Ресурсные регионы России в «новой реальности». Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.

²⁹ Юго-восточные возможности. Апурва Санги, ведущий экономист Всемирного банка по РФ, об азиатских трендах. 27.11.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3479840>. Дата обращения 27.11.2017.

Литература

1. Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
2. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
3. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
4. Auty R. Natural Resources, the State and Development Strategy // *Journal of International Development*. 1997. Vol. 9. P. 651-663.
5. Gylfason T., Herbertsson T., Zoega G.A. Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth // *Macroeconomic Dynamics*. 1999. 3. June. P. 204-225.
6. Matsuyama K. Agricultural Productivity, Comparative Advantage and Economic Growth // *Journal of Economic Theory*. 1992. Vol. 58, № 2. P. 317-334.
7. Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resources Abundance and Economic Growth // *NBER Working Paper*. 1995. No. 5598. 54 p. Available at : <http://www.nber.org/papers/w5398.pdf>
8. Экономические последствия регулирования лесного сектора / Ю.Ш. Блам, Т.И. Бабенко, Л.В. Машкина, О.В. Ермолаев // *Регион: экономика и социология*. 2011. № 2. С. 211-222.
9. Волков Л.В. Институциональные аспекты развития рыбной промышленности Дальнего Востока // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 6. С. 56-68. URL: <http://regionalistica.org/images/2016-06.pdf#page=56>
10. Глазырина И.П., Яковлева К.А., Жадина Н.В. Социально-экономическая эффективность лесопользования в регионах России // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. №5-6. С. 18-33. URL: <http://regionalistica.org/images/2015-05-06.pdf#page=18>
11. Колесникова А.В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // *ЭКО*. 2013. № 11. С. 5-25.
12. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
13. Clark A.L., Naito K. Structural Reform of the Mining Industry in Asia and the Pacific Region // *Asian Journal of Mining*. 1997. July/August. P. 28-42.
14. Mineral Projects in Asian Countries. Geology, Regulation, Fiscal Regimes and the Environment / K. Naito, H. Myoi, J. Otto, D. Smith, M. Kamitani // *Resources Policy*. 1998. Vol. 24, No. 2. P. 87-93.
15. Nilsson S. Experiences of Policy Reforms of the Forest Sector in Transition and other Countries with Implications for the Chinese Forest Sector. Interim report. IR-02-043. 2002. IIASA, Laxenburg, Austria. Available at : <http://pure.iiasa.ac.at/6742/1/IR-02-043.pdf>
16. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик. Чита : ЗабГУ, 2014. 527 с.
17. Бакланов П.Я., Каракин В.П., Шейнгауз А.С. Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // *Пространственная экономика*. 2005. № 1. С. 3-10.
18. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток : Дальнаука, 2011. 912 с.
19. Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // *Пространственная экономика*. 2017. № 3. С. 83-106.
20. Ломакина Н.В. Реализация проекта Шелкового пути: новые стимулы и механизмы для развития минерального сектора экономики // *ЭКО*. 2016. № 7 (505). С. 56-68.
21. Шерер Ф.М., Росс Д. Структура отраслевых рынков : пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 1997. 698 с.
22. Влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Исследование ЦЭФИР по заказу Корпорации Кинросс Голд. М.: ЦЭФИР, 2013. 110 с.
23. Clever, J. China - Peoples Republic of: Strong Domestic Demand and Declining Production Encourage Wood Imports in 2017. GAIN Report Number: CH17061. Date: 7/25/2012. Global Agricultural Information Network. Available at : <http://gain.fas.usda.gov/>
24. Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. Хабаровск : РИОТИП, 2009. 240 с.
25. Оценка роли ресурсного сектора в экономике региона: пример Хабаровского края / Н.Е. Антонова, О.В. Дёмина, Н.Г. Захарченко, Н.В. Ломакина, Г.И. Сухомиров // *Регионалистика*. 2014. Т. 1. № 2. С. 42-70. URL: <http://regionalistica.org/images/2014-02.pdf#page=42>

Сведения об авторах

Наталья Евгеньевна Антонова — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: antne60@yandex.ru)

Наталья Валентиновна Ломакина — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: lomakina.eri@gmail.com)

Статья поступила 18.12.2017.

Antonova N.E., Lomakina N.V.

Natural Resource-Based Industries of the Far East: New Drivers of Development

Abstract. The goal of the paper is to study the manifestations of institutional innovations currently being implemented within the framework of a new development model for the Far East economy in the region's natural resource-based sectors; another goal is to study the areas of Russian-Chinese cooperation, which affect the current state and prospects of development of these industries. The study is based on the theories of resource-based economy, and spatial economy, including regional economy. The main scientific problem raised in the article is at the junction of the studies related to the evaluation of public policy efficiency, system effects of resource projects and their localization at the regional level under the influence of foreign economic factors. The novelty of the research consists in the fact that it formulates and implements the research task of joint consideration of institutional innovations and external factors determining the potential for the development of natural resource sectors in the Far East; thus, the research helps obtain new scientific knowledge in the field of spatial economics. The mineral resources, fishery and forest complexes are the objects of our study; they have been chosen due to the economic value of natural resources that form the basis for these industries. The article discusses the tools and forms of state support for the new development model of the Far East and their impact on the competitiveness of the industries selected in the framework of this model; the paper also analyzes how the economic agents working in these industries actually react to the preferential innovations. We show that the institutional decisions adopted in accordance with the new development model of the Far East begin to produce tangible results in the territories of the region. We consider new directions, mechanisms and forms of participation of Chinese state-owned and private business in the mineral raw materials, fishery, and forest complexes, and also the consequences of this participation both for the sectors themselves and for the economy of the Far East. The prospects for further research are associated with the task of measuring the positive and negative effects of the implementation of federal institutional tools of the new development model of the Far East for the economy of specific territories in the natural resource-based industries.

Key words: mineral resource complex, fishery complex, forest complex, Far East, institutional changes, Russian-Chinese cooperation.

Information about the Authors

Natal'ya E. Antonova — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: antne60@yandex.ru)

Natal'ya V. Lomakina — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: lomakina.eri@gmail.com)